

Барон де Кано де Борегард

Среди тех иностранцев, с которыми Канцелярия¹ заключила «вызывательские» контракты, выделяется барон Борегард². Он приступил к набору последним, но сумел отправить в Россию примерно столько же семей, сколько все остальные вызыватели, вместе взятые. И он оказался единственным, кому удалось избежать ответственности за неблагоприятные поступки, включая присвоение казенных денег. По всей видимости, барон был человеком недюжинным, об этом свидетельствуют его проекты устройства колоний, его подход к организации набора. Из сохранившихся документов видно, что он настойчиво и изобретательно отстаивал свои интересы в спорах с Канцелярией. Однако в литературе о колонизации России мы не находим почти никаких сведений об этом человеке - откуда он, какого рода, чем занимался до появления в России, что случилось с ним после отъезда. Г. Писаревский писал: «Было неизвестно даже, какого он происхождения. Французская полиция считала его французом, сам же он называл себя иногда – брабантцем, иногда – швейцарцем из окрестностей Базеля; по словам вербовщика Рапена он был эльзасцем из Шлетштадта; документы же канцелярии опекунства иностранных называют его подданным Голландской республики и жителем Утрехтской провинции. Во всяком случае, это был человек с сомнительным прошлым»³. Эти слова впоследствии многократно переписывались без критического осмысления. Между тем трудно сказать, почему прошлое Борегарда показалось историку сомнительным, скорее надо было бы сказать - неясным. Мы попытались разъяснить барона де Борегарда.

Но сначала об обстоятельствах нашего поиска. В Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) хранится объемное дело⁴, посвященное исключительно деятельности Борегарда-вызывателя. К сожалению, там нет ничего о его биографии, непонятно, как он попал в поле зрения Канцелярии, как жил после отъезда из России. Но в наше время многое можно найти в интернете. Например, на сайте Geni.com выложено генеалогическое древо рода Amerongen, одна из веточек которого протянулась к нашему герою. Пользуясь приведенными там же ссылками на документы в голландских архивах, обнаруживаем массу интересных, хотя и отрывочных сведений о нем. Осенью 2015 г. кое-что из этого обсуждалось на форуме Geschichte der Wolgadeutschen, но ни тогда, ни после не удалось доказательным образом ответить на главные вопросы: где и когда родился наш герой, когда и где умер. Исходя из анализа различных нотариальных актов, относящихся к деятельности Борегарда, можно было предположить, что дата его кончины лежит между 1789 и 1793 гг. Местом рождения, по косвенным данным, мог быть французский город Зульц. Между прочим, во Франции есть три Зульца: Soultz-Haut-Rhin, Soultz-les-Bains, Soultz-sous-Forets.

Решено было искать сначала там, «где светлее», то есть в Голландии, коль скоро имеются ссылки на тамошние архивы и на сканы документов. Проблема в том, что ни один из авторов данной статьи не владеет ни голландским, ни французским языками. Между тем, на сайтах голландских и французских архивов общаются только на родных языках, даже международный английский язык у них не в почете. Но нам повезло, удалось выйти на форум ВНИС⁵, где собрались любители истории и

¹ Канцелярия опекунства иностранных при Сенате, учреждена 22.07.1793; Президент – граф Г.Г. Орлов. О ее роли в колонизационном проекте, о вызывателях и пр. можно прочитать, например, здесь: <http://www.rauschenbach.ru/ru/istoriya-kolonizacionnyh-meropriyatiy-v-rossii>

² Правильно было бы – Борегар, но в документах Канцелярии и в русскоязычной литературе обычно писали «Борегард».

³ Писаревский Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. – М.: 1909, с. 104-105.

⁴ РГАДА 283-1-56. О заключении контракта с бароном Борегардом о вызове ему в Россию на поселение колонистов и о разных его Борегарда о сем деле происшествиях. - 414 л.

⁵ ВНИС - Брабантский Исторический Информационный Центр (<https://www.bhic.nl/het-geheugen-van-brabant>).

генеалогии из Голландии и Бельгии. Многие из них свободно переписываются по-английски, так что общий язык был найден. На просьбу помочь с ответом на главные вопросы вначале последовали ссылки на уже хорошо известные нам документы. Занятно было читать сообщения о роли барона Борегарда в поселении немецких колонистов на Волге и т.п. Но затем последовали ссылки на более содержательные документы, интервал даты кончины Борегарда сузился до 1791-1793 гг. Попутно выяснились многие хоть не первостепенной важности, но и не безынтересные факты - сведения о близких родственниках и кумовьях, обстоятельства крещения детей и внуков, даты кончины жены и сына барона и пр. Мы весьма признательны Геральдине Хувенаарс (Geraldine Hoevenaars) и другим участникам форума ВНС, сумевшим отыскать множество важных документов, прочитать их и перевести на английский. Геральдина Хувенаарс подключила к поискам профессионального историка Фреда Гаасбеяка (Fred Gaasbeek), который добавил ряд новых важных документов и сумел многое разъяснить в построссийском периоде жизни барона Борегарда. Благодаря усилиям интернациональной команды любителей истории и генеалогии ровно через 10 дней после начала поисков дата смерти барона была определена с точностью до двух месяцев. К сожалению, не удалось обнаружить запись о погребении, а мы надеялись было узнать из нее возраст барона.

Дальнейшие поиски следовало вести во Франции. Ни барона де Борегарда, ни просто подходящего де Борегарда найти там не удалось. Известно, однако, что сам барон подписывался «де Кано де Борегард». Если не нашлся Борегард, может быть, найдется Кано? И действительно, на сайте Федерации Исторического и Археологического обществ Эльзаса обнаружили статьи о бургомистре и прево города Селеста (Sélestat = Schlettstadt) Жаке Кано (Jacques Caneau, ум. 1739) и его сыне, прево города Зульц, Жаке Филиппе Кано (Jacques Philippe Caneau, ум. 1747). У последнего было семеро детей, в том числе четыре сына. Все они родились после 1712 г. Может быть, один из них нам подходит? К сожалению, никакой информации о сыновьях, ни имен, ни дат рождения, в интернете найти не удалось. Полезную дополнительную информацию удалось получить от президента «Друзей Зульца» Бертрана Рисаше (Bertrand Risacher, Président des Amis de Soultz) и от генерального секретаря Генеалогического общества Эльзаса Кристиана Вольфа (Christian Wolff, secrétaire général du Cercle généalogique d'Alsace). Но решающим стал ответ на обращение в муниципальный архив города Зульц. Архивист Катрин Галлиат (Catherine Galliath, Archiviste Municipale) смогла разыскать сведения о рождении всех детей Жака Филиппа Кано - и один из них действительно оказался будущим бароном Борегардом! А теперь обо всем по порядку.

Эльзас – Швейцария – Голландия

До Тридцатилетней войны Эльзас был частью Священной Римской Империи. По Вестфальскому миру 1648 г. Эльзас частично (кроме свободного имперского города Страсбурга) отошел к Франции. В 1681 г. Франция присоединила также и Страсбург. До Французской революции 1789 г. территории, входившие в Эльзас, сохраняли значительную автономию и язык (большая часть эльзасцев по-прежнему говорила на особом эльзасском наречии немецкого языка, остальные говорили на особом наречии французского). В то же время предпринимались попытки «офранцузить» население. Высшая судебная власть была сосредоточена в королевском суде, находившемся сперва в Брейзахе, а после потери Брейзаха Францией по Рисвикскому миру (1697 г.) – в Кольмаре. Судопроизводство в большей части низших судов по-прежнему велось на немецком языке, но в королевском суде был обязательен язык французский, который был чужд большинству населения⁶.

Семья Кано появляется в Эльзасе в конце XVII в. Дед нашего героя, Жак Кано в 1697 г. замечен в должности почтмейстера (directeur des Postes) Кольмара. В 1700 г. он становится гражданином Селеста и его бургомистром. Впоследствии он исполнял там же должность прево (королевского судьи 1-й инстанции). В 1700 г. Кано приобрел за 11000 ливров дом, построенный в 1615 г. и сохранившийся до наших дней. Видимо, то был один из лучших домов города – в 1681 г. его удостоил посещением Людовик XIV⁷.

⁶ https://ru.wikipedia.org/wiki/История_Эльзаса

⁷ <http://www.alsace-histoire.org/fr/notices-netdba/caneau-jacques.html>

Дом семьи Кано в Селеста

Один из трех сыновей Жака Кано, Жак Филипп⁸, в 1711 г. женился на Мари Элисабет Режин, урожденной д'Обри (Marie Elisabeth Régine d'Aubry), дочери прево Зульца (Soultz-Haut-Rhin), и сменил на этом посту своего тестя в 1721 г. У супругов Кано было семеро детей, родившихся между 1712 и 1728 гг., в их числе Жак Филипп Эрнест (Jacques Philippe Erneste), родившийся 7 августа 1721 г. Первые два имени, данные при крещении, повторяют имена отца; скорее всего, в семье мальчика звали Эрнестом. Впоследствии он именовал себя «де Кано», но в записях о семье его родителей и его деда предлог «де», указывающий на дворянское происхождение, отсутствует. Герб Кано, три уточки на песочном фоне⁹, также не дает оснований причислить эту семью к «дворянству шпаги». Между тем, не только Эрнест, но и его старший брат Фердинанд и сестра Мария Анна подписывались «де Кано». Можно предположить, что род Кано был аноблирован по праву «дворянства мантии» (la noblesse de robe), поскольку в двух подряд поколениях Кано много лет служили королевскими судьями. В этом случае они могли рассчитывать на так называемое постепенное дворянство.

Вероятно, Эрнест воспитывался в каком-нибудь французском кадетском училище, т.к. впоследствии выбрал военную карьеру. Как сообщил Виктор Пфляум (Viktor Pflaum)¹⁰, в 1746 г. наш герой был замечен в швейцарском полку Рединга на службе Испании в чине капитана. Выбор полка не удивляет: в нем служил капитан Луи Адольф де Мотте (Louis Adolphe de Mottet), зять Эрнеста (муж старшей сестры Марии Анны, род. 1715). Удивляет, скорее, быстрое продвижение по службе – стать капитаном в 25 лет не так уж просто. В 1748 г. Эрнест уже в швейцарском полку де Буде – наемном войске Принца Оранского. Полк стоял в Брабанте близ города Бреда. 27 марта 1750 г. в церковной книге реформатского прихода Бреда появляется запись о предстоящем венчании «капитана-майора Швейцарцев» дона Хайме Филиппа Жозефа Эрнеста Кано де Борегарда (Jaime Philippe Joseph Erneste Caneu de Beauregard) с Сюзанной Элизабет Эли де Боаро (Susanna Elisabeth Helies¹¹ de Boisroux), вдовой барона ван Аркеля. 19 апреля 1750 г. в реформатской церкви Леерзума состоялось венчание. Жених – римо-католик, невеста – реформатка. Заметим, что наш герой не только изменил свои имена (испанизировал первое имя и добавил третье), но и прибавил «де

⁸ <http://www.alsace-histoire.org/fr/notices-netdba/caneau-jacques-philippe.html>

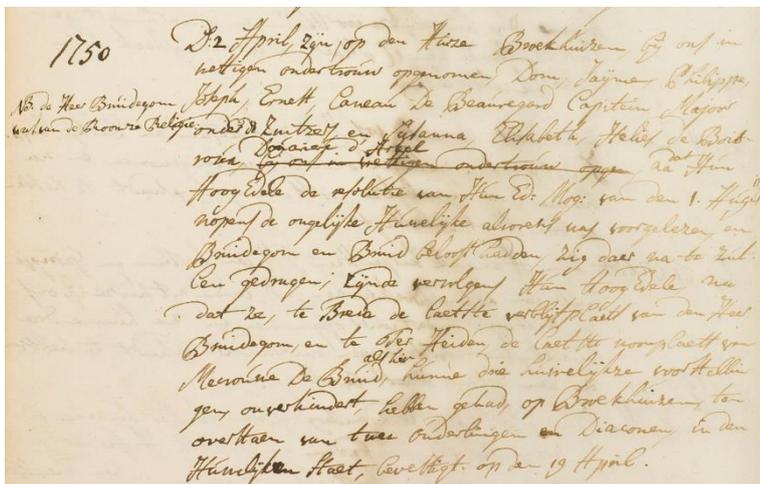
⁹ Gasser A. Le livre d'or de la ville de Soultz en Haute-Alsace, 1909, p. 183.

¹⁰ <http://forum.wolgadeutsche.net/viewtopic.php?f=4&t=894&p=114945#p114945>

¹¹ В документах, касающихся Сюзанны и ее предков, встречаются разные варианты фамилии – Helly, Helie, Helis, Helies.

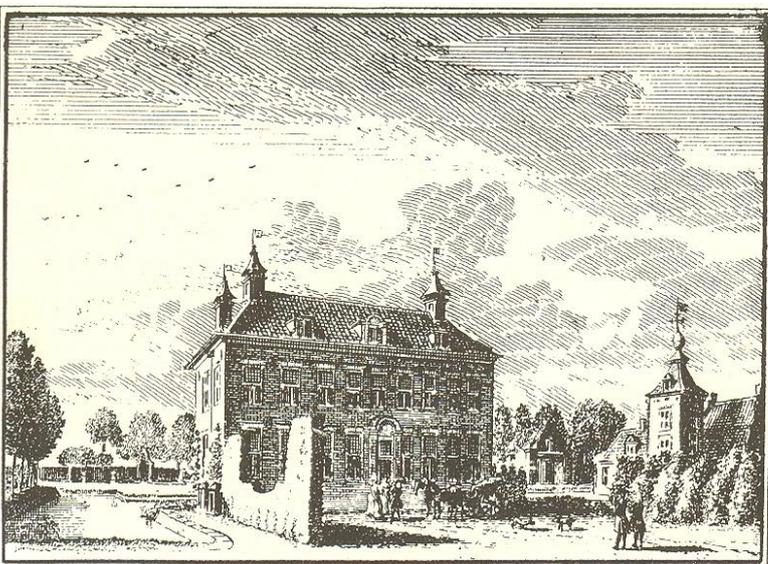
Борегард» к фамилии. Основания нам не известны. Можно предположить, что дополнительную часть фамилии он приобрел по наследству от некоего почившего родственника.

**Церковная запись о венчании супругов
Кано де Борегард от 19 апреля 1750 г.**

Сюзанна де Боаро родилась в 1711 г., её родители – Francois Helis de Boisroux, comte de Rochenard & Maria Victoire d’Escodeca de Boisse, marquise de Pardailhan. В 1734 г. вышла замуж за Фердинанда ван Аркеля (Ferdinand van Arkel, ок. 1782-1745). Детей у супругов ван Аркель не было. Сюзанна унаследовала от почившего супруга титул баронессы и рыцарские поместья (ridderhofstad) Брукхёйзен, Бургст и Терхейден. Несомненно, этот брак был большой удачей для капитана-майора де Кано: из небогатого титулярного дворянина он превращался во владетельного и состоятельного. К поместьям относились земли, леса, фермы и строения. Основной резиденцией был превосходный замок Брукхёйзен (Broekhuizen, в русскоязычной литературе Брокгаузен). Были также дома в Бургсте и в Терхейдене.

С этого момента Жак Филипп Эрнест называет себя бароном де Кано де Борегард. Баронство его, конечно, сомнительное – он только муж баронессы. Он именуется господином, т.е. владельцем Брукхёйзена (Heer van Broekhuizen) и пр., но и это не вполне соответствует действительности. Юридически владельцем Брукхёйзена до самой кончины остается его жена, хотя барон имеет право распоряжения имуществом с согласия супруги. В 1751 г. у супругов Кано де Борегард родился сын Филипп (Ferdinandus Philippus Augustus), крещеный в реформатской церкви, по вере матери. Восприемником в церковной книге Леерзума записан Фердинанд Филипп де Кано де Любах (Ferdinand Philippe de Caneau de Lubach)¹², старший брат барона (1713 – 1760). Заметим, что фамилия Фердинанда также претерпела изменения. Возможно, Любах – это Laubach, есть такая деревушка в Эльзасе. Фердинанд вошел в историю как ученый-самоучка. Женат он не был. Служил в чине

De RIDDER - HOFSTAD BROEKHUIZEN.

Замок Брукхёйзен (гравюра 1744 г.)

капитана в Пикардийском полку, но вышел в отставку (может быть, получив наследство и прибавку к титулу?) и всецело отдался занятиям геологией и палеонтологией. Был корреспондентом Парижской Академии наук, собрал замечательную коллекцию окаменелостей, ознакомиться с которой почитали долгом многие ученые¹³.

Двумя годами позже крестили дочь Эрнестину (Angelica Joanna Maria Regina Elisabeth Ernestina), но уже в католической церкви, по вере отца. Обычно в смешанных по вероисповеданию браках сыновей крестили по вере отца, а дочерей – по вере матери, но у супругов Кано де Борегард все наоборот. Очевидно, они возлагали особые надежды на наследника и заботились о его будущей карьере. Дело в том, что в Голландии того времени

¹² В документе написано «Любах де Кано», но это описка.
¹³ Histoire de l’Académie royale des sciences, Tome 2. – 1763, p. 53.

католикам были закрыты все возможности для занятия административных должностей, существовали и другие ограничения.

По всей видимости, после женитьбы барон вышел в отставку и приступил к активной предпринимательской деятельности. В голландских архивах сохранились десятки документов, связанных с его именем, в основном это нотариальные и судебные акты – купля-продажа, займы, ипотека, тяжбы. Но похоже, что финансовая деятельность барона была не слишком успешной. В 1758 г. он с согласия супруги продает за 35000 гульденов поместье Бургст со всеми землями и с правами на титул Виллему Крулю (Willem Crul), прославленному голландскому флотоводцу.¹⁴ А в сентябре 1764 г. выдает утрехтскому нотариусу доверенность на публичную продажу своего основного владения Брукхёйзен со всеми землями и фермами, да еще и коллекции окаменелостей (наследства от Фердинанда) впридачу.¹⁵ Всё же до продажи с молотка дело не дошло, Брукхёйзен оставался в распоряжении барона почти до самой его смерти. Как раз в 1764 году барон начал наиболее успешное из предприятий, предложив российскому правительству свои услуги по набору колонистов¹⁶.

Россия

До сих пор неясно, как сумел Борегард завязать переписку со статским советником Яковом Яковлевичем Штелином (Jacob von Stählin), замечательным разносторонним ученым, секретарем Российской Академии наук в 1765-1769 гг.¹⁷ По его протекции барон обратился к графу Орлову, тот отправил проект Борегарда на отзыв в Канцелярию. Переписка заняла немало времени. В отличие от других вызывателей барон не хотел ограничить рамки своей деятельности обычным контрактом. Он предлагал свой проект устройства колоний по образцу швейцарской армии, входил в детали обустройства колонистских хозяйств, предлагал дополнительные (сепаратные) пункты договора. Наконец 19 мая 1765 г. Канцелярия заключила с ним контракт, предусматривающий поставку 3000 семей колонистов в течение трех лет¹⁸, и предоставила ссуду в 15000 рублей. Надо отметить, что в договорах с другими вызывателями не было точных указаний на общий объем сделки и на столь продолжительный срок действия контракта. Впоследствии, как мы увидим, барон использовал данное обстоятельство в своих целях.

Подписав контракт, Борегард вернулся в Европу, чтобы руководить набором колонистов. Он с самого начала поставил дело на широкую ногу, сумев привлечь для набора и сопровождения колонистов немалый штат энергичных помощников, носивших офицерские звания – от лейтенанта до полковника. В основном работа велась в германских государствах, однако предпринимались попытки вербовки и в тех странах, правительства которых запрещали эмиграцию. Так, в декабре 1765 г. в Швейцарии был арестован капитан Франсуа де Мотте (François de Mottet) – наверняка свойственник Борегарда со стороны сестры, координировавший вербовку местного населения¹⁹.

Осенью 1765 г. барон отправил в Россию более 180 семей. Согласно замыслу Борегарда, колонисты его вызова должны были основать ряд колоний, расположенных неподалеку друг от друга и образующих «Катариненлен». В 1766 г. возникли первые из колоний Катариненлена – Катариненштадт (Екатериненштадт, он же Баронск) и Борегард. В следующие два года были основаны Кано, Сузанненталь, Боаро, Филиппсфельд, Эрнестинендорф, Брокгаузен и др., всего 27 колоний. Весной 1766 г. барон снова в Петербурге, граф Орлов устраивает ему аудиенцию у императрицы, затем у канцлера Панина.²⁰ По-видимому, вызыватель Борегард сумел произвести благоприятное впечатление амбициозными планами устройства колоний Катариненлена и перспективами их развития. Одновременно стараниями его эмиссаров в Любек прибывали все новые

¹⁴ Taxandria XXXVIII, 1931, p. 46.

¹⁵ Hetutrechtsarchief, 34-4 Notarissen in de stad Utrecht 1590-1905, inventarisnummer 0715U237a003.

¹⁶ РГАДА 283-1-56, л. 1.

¹⁷ Karl Stählin. Aus den Papieren Jacob von Stählins: Ein biographischer Beitrag zur deutsch-russischen Kulturgeschichte des 18. Jahrhunderts. - Berlin: Oscar Brandstetter, 1926. - S. 333.

¹⁸ РГАДА 283-1-16. Дело о вызове иностранных колонистов в Россию и о заключении контрактов с иностранными фабрикантами на устройство в России предприятий для производства часов, предметов галантереи, шелка, табака и др., лл. 73-74об.

¹⁹ Walter Kirchner. Emigration to Russia. - The American Historical Review, Vol. 55, No. 3 (Apr., 1950), pp. 555-556.

²⁰ Amsterdamsche courant, № 70 от 12.06.1766.

и новые партии колонистов. Вполне вероятно, что барон сумел бы выполнить свои обязательства по контракту в полном объеме, но уже весной 1766 г. обстановка сильно изменилась.

A^o 1766. N° 70

AMSTERDAMSCH E

Word uitgegeven by
bezyden de Beurs.

Donderdagfche Courant.
HENDRIK LINSEN,
den 12 Juny.

Z W E E D E N.

STOKHOLM den 25 Mei. Indien 'er in Zweeden een Beroenicus gevonden wierd, gelijk 'er certyds in Holland geweest is, zo had hy thans schoone gelegenheid, om eens *Georgontumbla* van onzen Boerentogt, gelijk de andere van de Zeeuwfche gedaan heeft, op te zingen. Deze beide Gedenktuiften hebben vry wat gemeenfchap met elkander, en daar door is de Herdenking aan de eerste, (door dat Goetlyk Latynfch Dichtfuk, alomme bekend en veruuewigd,) weder verlevendigd geworden. De Opdragt, de Wapenftitling der Boeren, fominge met verroefte Snaaphaaren, fominge met Hooivurken, andere met Bylen andere met Knuppels gewapend, waren in beide de Gevallen dezelfde. Zy waren beide even trotfch en roekeloos in hunne Onderneming en even lafhartig, toen het 'er op aan kwam. De onzen waren zoo vermetel, dat hun Opperhoofd de Stad Boros in zynen Naam doft laten opfchrijven; en zo dra heeft by geen berigt gekregen, dat 'er geregeldde Troepen tegen hem in aantogt waren, of hy verlaat zyne Maskers en gaat zig in Bosfchen en Heegen verfteeken. Zy niet te vrede; met, van Hoofd beroofd zynde, als eene verftrooide Bende, naar Huis te keeren, en de Wapenen neer te leggen, vervolgen hunnen Aanvoerder in zyne Schuilhoeken, en leveren hem en zyne Medestanders zynen Vyander over. Zie dat al' hunne Aanzien en Vooruitzichten in Rook verduwen; en ieder hinner is maar wel in zyn fchik, dat hy onder Borgtogt, veilig naar zyn Huis mag keeren.

R U S L A N D.

Petersburg den 10 May. De Baron Canneau van Beauregard, Heer van Broekhuizen, Opperhoofd van de nieuwe Colonie Catherine Lehn in 't Ryk van Altraan, is in het Jaar van de voorleden Maand in deze had gearriveert. Dezelve werd, door den Graaf van Orlow, aan hure Keizerlyke Majesteit geprefenteerd, die hem vriendelyk onthaalde en een handicus vergaunde, ten blyke van het genoegen, dat die Vorft gefchept heeft, wegens den yver en vlyt, die hy tot dus verre heeft aangewend, om het uitgefcreet land, aan hem vergund, te bevoeken. Vervolgens werd die Baron ook aan den Groot Hertog geprefenteerd, door den Heer Panin, die hem desgelijke minzaam ontving en ter handicus toeliet. Zo dra zyne Zaaken hier gereguleerd zyn, zal dezelve weder naar zyne Colonie te rug keeren. Men verneemt, dat de Inwooners van dat land, zo wel met elkander veruuewigd en te vrede zyn, dat het zelfs een Volk felynt uit te maaken, het welk men zekerlyk aan de goede voorzorg van hare Keizerlyke Majesteit moet toefchryven.

V R A N K R Y K.

Parys den 6 Juny. De Prins Edzaart Stuart, bekend onder den naam van Pretendent, heeft van zyne Heiligheid denzelfden Eertitel van Koning van Groot-Brittanien, met welken zyn Vader doorgaans vereerd werd, niet kunnen verkrygen. Zyn Heiligheid, zegt men, wil in de tegenwoordige omftandigheden geen misnoegen aan het Hof van Londen geveven, vermits dezelve bevreemd is, dat de Roomfch Catholyken, welke in de drie Ryken geduld worden, zouden gevaar loopen van de Vryheid hunner Godsdienft-oefeningen te verliezen. Volgens bryven van Metz, is in de voorleden Maand aldaar een zwaar Onweer geweest; de Blixem is in de Stad Cafernen geflagen, en dezelve zyn genohelyk door de Vlannen verteerd, zonder dat men tyd gehad heeft, eehige hulp om dien Brand te blufen, ten te brengen. Men heeft ter nauweraod een klein gedeelte van de Equipage van het Regiment Dauphin en van het Legioen van Conflans, welke in de Cafernen gelogeerd waren, kunnen reddden. De Brand, die des Nagts ontfond, heeft ten den volgende dag geduurd. De Schade hier door veroorzaakt word op 300,000 Lieres begroot. Giften deed de Goetlykheid eene Proceffie, waar by genoezgam gaantfch Parys toeliepen. Alle de Aaris-Bifchoppen en Bifchoppen waren daar by tegenwoordig. De Koning heeft in de vafkte van sabloas de Revue over zyne Gardes en Z. wiffers gedaan, en is van daar naar St. Hubert vertrokken, om 'er eenige dagen met de Jagt over te brengen: 't eenige vermaak, dat daar ter plaatf, by dezen tyd van het Jaar, te fcheppen is. De Graaf van Stahremberg is voorleeden Saturdag naar Weenen gekeerd, doch zal nog eerft de Baden van 't Spa gebruiken.

G R O O T - B R I T T A N N I E N.

Londen den 6 Juny. Eergiften, was het Hof zeer briljant en talryk, wegens de Gebort-verjaaring des Konings; en by die gelegenheid, dittingeerdten zig de Franfche en Spanifche Ambafadeurs ongemeen door pragtlyk Illuminatie en kostbaare Fofytynen. Den zden, werd 'er, in de beide Huizen van het Parlement een Bondfchap, van wege den Koning gebragt, waarin zyne Majesteit te kennen gaf, dat hy een Aanzoek van den Koning van Denemarke had gekregen, om het befloten Huwelyk met zyne Zufter de Prinffes Carolina Mathilda te voltrekken, waarom zyne Majesteit had goedgevonden, zyn Parlement te verwittigen, dat dit Huwelyk waarfchynlyk zou kunnen voltrekken worden, vooer de naafte Zitting van het Parlement, waarom zyne Majesteit ook verzuimde, dat hy fpoedig door het zelve zou in haat gefchiet worden, om aan zyne Zufter een Bruidfchat, overeenkomftig met de Waardigheid der Kroone, te fchenken. Zyne Majesteit was ook voornemens geweest zyn Parlement aan te beveelen, om maatregelen te neemen ter Onderhoudinge, en tot een honorabel betaan voor zyne Broeders de Hertogen van York en Gloweeffer, en Prins Henrik Fredrik, maar om dat het Saifoen reeds zoo ver verloopden was, en de Koning noodig vondt zyn

Parlement wat Uitfpanning te vergunnen, zou Zyne Majesteit het zelve tot de volgende Zitting uitstellen, en nuten fpoedigken de Byeenkomft prerogueren. Daarop werd door de beide Huizen befloten, een Adress aan zyne Majesteit te prefentueren, om dezelve dank te zeggen voor de gedaane Communicatie; hem nogmaal te feliciteeren, en te verzekeren, dat zy hem in flant zouden flillen, om zoodanig een Huwelykfyft te doen, die hem 'yver en Genegenheid voor zyn Koninglyk Huis zou aan den dag leggen; voorts dat zyne Gemeenten vlytig en hartlyk zouden in overweeging neemen 's Konings Aanbeveling ten opzichte zynen Broeders, wanneer het zyne Majesteit behaagen zou, hen zulks te reommandeeren. Daar word ook in 't Laagerhuis voorgelagen, aan den Koning een Adress te prefentueren, om hem te verzoeken van de Prorogatie van 't Parlement op te fchorten, tot men byding uit America zou hebben ontvangen; dat alles aldaar weer in 't uit en de Wetten in kracht waren; om dat de Gemeenten van gedachten zyn, dat veel droevige Gevolgen hadden voorgekomen kunnen worden, indien het Parlement ter rond op het berigt, dat 'er zuik een Geelt van Miltzucht in die Geweften heerfchte, by een was geropen enz. Doch deze Voorflag werd verworpen. De bovengemelde Adressen zyn giften en heden aan zyne Majesteit geprefenteerd, en van de morgen heeft de Koning, na eenige Bills met zyne Toefemming bekrachtigd te hebben, de tegenwoordige Zitting van het Parlement geproteroguerd tot den 12 July, doming de een Aanpraak van den Troon, waarin 's zyne Majesteit zyn genoegen betygt over de Handelingen van zyn Parlement, de Gemeenten bedankt voor de toegefane Subfidien, en aan beide de Huizen te kennen geeft, dat de tegenwoordige Toefant van Europa de Duurzaamheid der Vrede felynt te voorfpeellen; dat hy voornemens is alle zyne Verbinteniften na te komen, en zulks ook van de andere Mogendheden verwacht; dat de Voorzetting van den Handel en Manufacturen in de Colonien de eudelykfte blyken van de Zucht des Parlements zore 't Welvaren van 't Ryk zyn; en eindelyk dat Zyne Maj. hinnen wyze maatregelen zal onderfneuen en ter uitvoering doen brengen. De Actien van de Bank zyn 135 en 1 quart; die van de O. I. Comp. 187 en 3 quart; de Z. Zec 102 en 1 half; en de Annuït. 84; Geconfolideerde 89 en 3 quart; de 4 percent dito 102 a 1 agtste; de Wifel op Amft. 34 en 10 en op Zigt 34 en 5.

N E D E R L A N D E N.

's Gravenhage den 10 Juny. De Generaal Vry, extraordinaaris Ambafadeur des Konings van Groot-Brittanien, is met eenige Heeren van de Regering in conferentie geweest. De Heer Can, wegens Zeeland, en de Heer van de Schepper, wegens Overyffel in hun Hoog Mog. Vergadering fefie hebende, zyn alhier gereverteert, en in hooggemelde Vergadering vercheenen. Zyne Doori, Hoogheid de Prins Erftrouwer werd, tegen den 30 dezer, alhier te rug verwacht.

Amfterdam den 11 Juny. Den 9 is in Teufel binnens gekomen J. P. Lsp van St. Ubes; en zyn uitgezeld D. Plantman van Bergen, D. Klok en Kl. Ubes na Archangel, de wind Z. Ooft en Westelyk. Den 10 is binnens gekomen Jan Hendriks uit Noorwegen; en zyn uitgezeld C. Strop na de Straat, S. Alb. Hinkit en L. Hendriks na Bourdeaux, J. Pieters na Londen, J. J. Woodman na Dantzig, H. Everts de Boer na Archangel, V. Broer en J. Bakker na Noorwegen, de wind N. N. W. in een Brief van Mallaga, in dato den 13 May, word gemeld, dat aldaar 60 Schepen lagen, zo Hollandfche, Engelfche, Deenfche, als Zwedfche, die alle na een goede wind wagten; om door het nauw van de Straat te zeeien. Van Lifbon heeft men, dat aldaar zyn gearriveert de Hollandfche Oorlogfchepen 't Hof Souburg Capit. Nicolaas de Beer en de Phenix Capt. Johan Arnold Zoutman uit de Straat, als mede Westfellingwerf Capt. Martinus Winder, nevens de Koopvaarders Pieter Janfen en Luitje Roelofs de Roe, en te Port a Port Willem H. Bok, alle van hier, Lodewyk Verwer en Jan Pietersz. Trompetteur van Hamburg, te Surinaamen Carfen D. Smit van deze Stad laaft uit Engeland, te Livorno van den 23 tot den 30 May John Mils en James Maat van Londen, Jan Thomfon van Mallaga Sietfe Jac. Henrich na de Oofzee, van Nantes Jacob Annes na Hamburg en te Bourneuf lag zeilree Ale Ooges Kroontje na de Oofzee.

Den 5 Juny is in 't Vlie binnens gekomen A. Tjalfs van Chriftiaanfant; en uitgezeld J. Janfen na Noorwegen. Den 6 W. Wouters van Stettyn, J. Janfen van Chriftiaanfant, en J. Tomas van Riga; en uitgezeld B. Wiggerts, B. Goycken en P. Janfe na Noorwegen, O. Reljes na Bergen, J. Green en B. Pieters na de Oofzee. Den 7 J. J. Hagel van Holmstrand, F. Goels, D. Okken en B. Jans van Hamburg.

De Actien van de O. I. Comp. zyn 63 en 1 half. Die van de W. I. Comp. 187 en 3 quart. De Engelfche O. I. Comp. 193. De Engelfche Bank 136 en 3 quart. De Z. Zec 104. 4 Perc. Annuïteiten van 't jaar 1760, 102 en 7 agtste. Geconfolideerde dito van 3 Percent 90 en 7 agtsten. Alle op Aug. De Agie van de Baak 4 en 3 quart Pero.

В 1766 г. только морским путем в Россию прибыло более 22500 человек, впятеро больше, чем в год ранее. Трудности возникали всюду, начиная с Любека, куда стекалось подавляющее большинство завербованных. В городе уже не оставалось мест для размещения прибывающих. Санитарно-эпидемиологическая обстановка стремительно ухудшалась, негде было хоронить тех, кто умер, не дождавшись отправки в Россию. Трудности с фрахтом коммерческих судов привели к тому, что к перевозке колонистов пришлось подключить Балтийский флот²¹.

Не меньшие трудности возникали при приеме колонистов в Ораниенбауме. Нехватка жилья привела к тому, что многих прибывших пришлось селить в палатках и шалашах. Болезни, привезенные переселенцами, продолжали свирепствовать уже на их новой родине. Особую опасность представляли оспа и дизентерия.²² К приему столь большого количества колонистов не были готовы и на Волге, куда предполагалось отправить большинство из них. В будущих колониях не успели построить дома, были серьезные проблемы с нехваткой плотников, доставкой строевого леса, закупкой скота.

Вдобавок ко всему в Европе росло недовольство чересчур энергичной деятельностью вербовщиков. Российские послы при европейских дворах и резиденты просили как можно скорее прекратить вербовку колонистов. Канцелярия вынуждена была принять меры для прекращения набора колонистов, однако это невозможно было осуществить немедленно. С одной стороны, мешала инерция самого механизма вербовки. Невозможно было отказать в приеме тем, кто уже подписал договор, собрал пожитки и тронулся в путь. Контролировать же этот процесс при наличии средств связи, доступных в XVIII веке, было очень трудно. С другой стороны, вызыватели и их эмиссары не спешили выполнить требование о прекращении вербовки, ведь это лишало их источника дохода. Так, Борегард, обещавший лично отправиться в Гамбург в 1766 г. для прекращения вербовки, никуда не поехал и не препятствовал своим эмиссарам в их деятельности.

В конце концов, в ноябре 1766 г. было опубликовано утвержденное императрицей объявление о прекращении вызова колонистов. Мера эта преподносилась как временная, до тех пор, пока уже прибывшие в Россию колонисты не обустроят свое хозяйство.²³ К этому времени навигация прекратилась, четыремя октябрьскими рейсами в Кронштадт были доставлены три десятка последних переселенцев 1766 года.²⁴ Таким образом, прекращение вызова относилось к следующему году. К этому моменту два вызывательских товарищества уже не рассматривались Канцелярией в качестве контрагентов по вербовке. Их основатели, оказавшиеся в России по доброй воле (Де Бофф) либо доставленные под арестом (Ле Руа и Прекур), в это время давали объяснения в своих проступках. Иная ситуация складывалась в отношении Борегарда. Кредит доверия барону со стороны Президента Канцелярии был еще велик, а контракт с ним истек лишь в мае 1768 г., причем к концу 1766 г. Борегард поставил в Россию около двух тысяч семей и имел право на продолжение вербовки. В докладе императрице граф Григорий Орлов предлагал предусмотреть для Борегарда право на возобновление поставки колонистов позднее, не ограничивая его сроками, чтобы он смог поставить недостающее число семей. А сейчас возместить ему убытки, если он понес таковые.²⁵

В это время Борегард находился в Петербурге. Барон стремился создать о себе благоприятное впечатление как о добропорядочном вызывателе, старающемся выполнять все условия контракта. Он непрестанно атаковал Канцелярию письмами и меморандумами, стараясь продвинуть собственные планы устройства колоний и обустройства колонистов и получить больше денег для реализации этих планов. 18 октября 1766 г. Борегард направляет меморандум из 11 пунктов, ниже приводим выдержки из этого послания в русском переводе.²⁶

«Поданным в Канцелярию мемориалом вызыватель колонистов барон Борегард представлял I-е.

Сколь ему ни тягостно и ни убыточно медлительное обзаведение его колонистов, однако он учиненными Канцелярией по оному делу распоряжениями доволен и просит токмо Канцелярию о том

²¹ Идт А., Раушенбах Г. Переселение немецких колонистов в Россию в 1766 г. . – М.-СПб: Нестор-История, 2015, с. 22.

²² Там же, сс. 63-64.

²³ ПСЗРИ, XVII, № 12793.

²⁴ Идт А., Раушенбах Г. Указ. соч., с. 35.

²⁵ Писаревский Г. Указ. соч., с. 170.

²⁶ РГАДА 283-1-56, лл. 74-76. Для краткости вместо «Канцелярия опекунства иностранных» пишем просто Канцелярия; пунктуация наша.

старание приложить, чтоб колонисты его будущую весною из зимних квартир до места их поселения ранее переведены были.

5-е.

Понеже ему необходимо надобно, смотря по нужде и удобности для каждой фамилии сделать предварительное расписание земли, то просит он Канцелярию ему изъяснить, сколько каждой фамилии щитая на каждую по 30 десятин определено ссудных денег на их домостроительство, дабы из того усмотреть, сколько по его плану каждой фамилии достанется ссудных денег.

Также просит о скорой резолюции, будет ли ему дана на построение домов некоторая сумма или Канцелярия сама о построении оных старание свое прилагать будет. Естли ему от времени до времени на строение домов дано будет столько денег, сколько построенные поныне в Саратове дома стоили, то обязуется он для своих колонистов строить каменные дома.

6-е.

Просит он назначить, сколько ему ныне в зачет определенной ему на учреждение собственного его домостроительства суммы заплачено будет, смотря по числу вызываемых им в прошедшем и в нынешней год в Россию фамилий, дабы он заблаговременно нужные распоряжения сделать и всякия к пользе колонии служащие вещи выписывать мог.

7-е.

Чтоб ему позволено было в Санкт Петербурге для квартирования оставшихся больных и выздоровевших колонистов нанять или купить собственной дом, на покупку которого сумму из Канцелярии заблаговолено было в зачет надлежащих ему ссудных денег продавцу онаго дома отпустить, или же онои дом на щет его Борегарда купить, как Канцелярия сама благо разсудит, дабы он чрез то колонистов своих к работе принуждать и тем меньше ссудных денег из казны требовать мог. В оном же доме и приезжающие в будущем году колонисты его помещены быть могут, так что в Ораниенбауме комисара держать больше нужды не будет.

10-е.

Понеже Канцелярия соизволила апробовать предложение его о переводе в будущем году колонистов его в Кронштат, с тем чтоб ему по приезде каждого транспорта заплачено было, кроме определенного награждения, по 60 рублей за каждую фамилию, то всепокорнейше просит дать ему в том письменное уведомление, с изъяснением при том оные деньги серебреною ли монетою или отчасти и медною заплачены будут, дабы он с корреспондентами своими по оному делу надлежащие меры принять мог.

11-е.

Наконец же просит позволить ему в будущем году отправить колонистов его прямо из Санкт Петербурга на место их поселения с тем, чтоб ему назначено было за каждую фамилию толикое число денег, коликое прежде сего за отправление каждой фамилии вообще щиталось, а естли из онои суммы какое число в остатке будет, то обязуется он оное в Казну возвратить, так как он по прежде поданным им мемориалам и обязался в остальных деньгах из положенной вообще за каждой транспорт на известное время суммы отчет давать. И по тому ласкает себя надеждою, что недоплаченные ссудные деньги по приезду колонистов в зимняя квартиры на заготовление инструментов и материалов отпущены будут, дабы им чрез наступающую зиму не проводить время в праздности. О чем Канцелярия благоволила б учинить как наискорее милостивую резолюцию, а при том уведомить его и о месте зимования отправленных им от времени до времени колонистов, дабы он находящихся у него офицеров его колонии для произведения в дество вышеписанного намерения заблаговременно надлежащими инструкциями снабдить мог».

Борегард планировал ввести иерархию административных должностей: каждому шульцу подчинены 5 форштегеров, каждому форштегеру – 5 обществ по 8 фамилий в каждом. «Дать одной фамилии больше а другой меньше земли, учреждая из каждых восьми фамилий особливые общества, из которых пять составляют форштегерство, а каждое форштегерство находится в смотреии у одного шульца однако так, что один шулец имеет в своей команде пять форштегеров, которым роздать земли 12, 15, 18, 24, 25, 60, 65 до 75 десятин, смотря по большей или меньшей способности

фамилии к исправлению хлебопашества».²⁷ Он предлагал строить дома по своим чертежам, причем размеры домов варьировали соответственно размерам земельных участков. Последние должны были выдаваться колонистам по «способности к исправлению хлебопашества», т.е. по возможности освоить ту либо иную территорию. В той же пропорции предлагал ссужать колонистов деньгами и инструментами, а для надежности возвращения ссудных денег ввести круговую поруку внутри форштегерств. Конечно, это чистой воды маниловщина. Подавляющее большинство колонистов его вызова, более пяти тысяч душ, прибыли в Казацкую (Покровскую) слободу в течение нескольких недель лета 1767 г. Не только каменных (!), но и деревянных домов в нужном количестве построено еще не было. Как тут определять «способности» разных фамилий, потерявших суммарно до 30% людей в разных отрядах по пути на Волгу?²⁸ Кто будет межевать им участки разной площади? Успеть бы пристроить людей до зимних холодов на какое-то жилье.

В ответе Канцелярии явственно звучит раздражение:

*«1766 года ноября 29-го числа Канцелярия по поданному во оную от вызывателя колонистов барона де Борегарда мемориалу, состоящему в одиннадцати пунктах, о разных его **требованиях странных** именно в приложенном при сем определении с того мемориале переводе ПРИКАЗАЛИ ему барону де Борегарду на оныя его требования объявить следующее, а именно на*

1-е
что Канцелярия гораздо большую имеет причину сожалеть о медленности в поселении и обзаведении колонистов вообще, нежели он барон Борегард. А на прозбу его чтоб колонистов его будущую весною ранее вывести из зимних квартир обещания сделать не может, затем что все они в таких местах вместе с другими находится будут, откуда сев на суда без всякого уже препятствия вниз по Волге поплывут и отправлены будут в одно время с коронными и за ту же цену, которую и без того заплатить должно, однако же пред наступлением весны, если усмотрит Канцелярия от сего особенного отправления какую либо выгоду, то тогда он Борегард и просить о том может, описав все подробности просимого им препровождения.

.....
На 5-е
точного положения ссудным деньгам не учинено, а производить оных велено было всегда в силу Манифеста и в ныне текущем году высочайшею Ея Императорского Величества [далее - Е.И.В., прим. авт.] конфирмациею паки подтверждено в таком разсуждении, что все надобныя для обзаведения колонистов вещи не всегда с равною удобностию и за одинаковую цену достать можно, а хотя для опыту и была назначена и выдана некоторым семействам известная сумма, кроме одного только злоупотребления выданных денег и поводы еще к большим требованиям ничего лутчаго не последовало, представление же его барона Борегарда касательно до выдачи ему денег на построение колонистам его домов принято быть может, но не прежде, пока Канцелярия о тех заготавливаемых ныне к строению материалов достоверного известия не получит, почто оные и с построеного дворов казне обойдутся, и тогда то уже Канцелярия неприменет его барона Борегарда пригласить для учинения с ним не только об построении колонистам его одних домов, но и о совершенном их обзаведении особого договора, по примеру же построенных донныне в Саратове колонистам домов в разсуждени немалой разности оных как в расположении, так и в ценах, точного положения сделать не возможно.

На 6-е
разве на сие его прошение от Е.И.В. особливое высочайшее повеление последует, то количество суммы от оного же заплатить, а в протчем Канцелярия обязана держаться точной силы заключенного контракта, в коем о сеи заимобразной вызывателям ссуде имянно выговорено, что произвести оную не прежде, как по собрании всех людей на место поселения, следовательно и надлежало бы ему барону Борегарду ожидать сеи выдачи до тех пор, пока полного контрактowanego числа колонистов на месте поселения не явится, но как напротив того обстоятельства востребовали дальнейшей набор колонистов отложить до удобнейшаго времени,

²⁷ РГАДА 283-1-56, лл. 85-89.

²⁸ Идт А., Раушенбах Г. Указ соч., с. 113.

то по справедливости и не можно ему барону Борегарду отказать в сей его прозбе, как скоро только колонисты его выехавшие уже действительно прибудут все на место поселения их, потому что помянутому отлагательству не он виною состоит, о каковой выдаче Канцелярия в свое время Е.И.В. посредством своего президента и представить неприменет, а ему Борегарду объявить, чтоб он заблаговременно приискивал надежных порук или подал в Канцелярия проэкт будущему своему домостроительству, для произведения коего помянутая ссуда ему обещана, дабы Канцелярия рассмотрев оной надлежащее распоряжение, сей выдаче учинить могла ибо по высочайшем Е.И.В. как общим, так и особенным Канцелярии данным указам и узаконениям должна оная того наблюдать, чтоб государственная казна при всех случаях обнадежена была наивернейшим образом, как то и при выдаче ему барону Борегарду наперед пятнадцати тысяч рублев на вызов колонистов поступлено.

На 7-е

в сей прозбе отказать ему барону Борегарду, во всем объявя при том, что на покупку здесь в Санкт Петербурге дома казенных денег ему никогда и не под каким видом от Канцелярии выдано не было, затем что постоянным его жилищем быть должно то место, где колонисты его поселены будут.

На 10-е

упоминаемое в сем 10ом артикуле предложение его, ежели б набор колонистов не отложен был до удобнейшаго времени, Канцелярия принять долженствовала б по силе сепаратных пунктов заключенного с ним контракта и выплачивать бы в таком случае обязана была кроме награждения до шестидесять рублев за каждую фамилию, когда бы от всех его колонистов представлены были в получении оных расписки, а не ровно по шестидесяти рублев за каждую семью без разбору, так как он барон Борегард и протчие вызыватели во всех своих мемориалах и письмах равно по 40ку рублев до Любека на каждую фамилию без разбору полагают, утверждая **такое свое развратное толкование** справедливым, и сие то самое изчисление и в его барона Борегарда рацетах находится камнем претыкания, что ж касается до рода монеты, какою ему Канцелярия будущего года за вывозимых колонистов платить станет, то о том из учиненного ему пред сим от Канцелярии объявлении о прекращении колонистских наборов уже известно, то есть не иною [сиречь медною – прим. авт.].

На 11-е

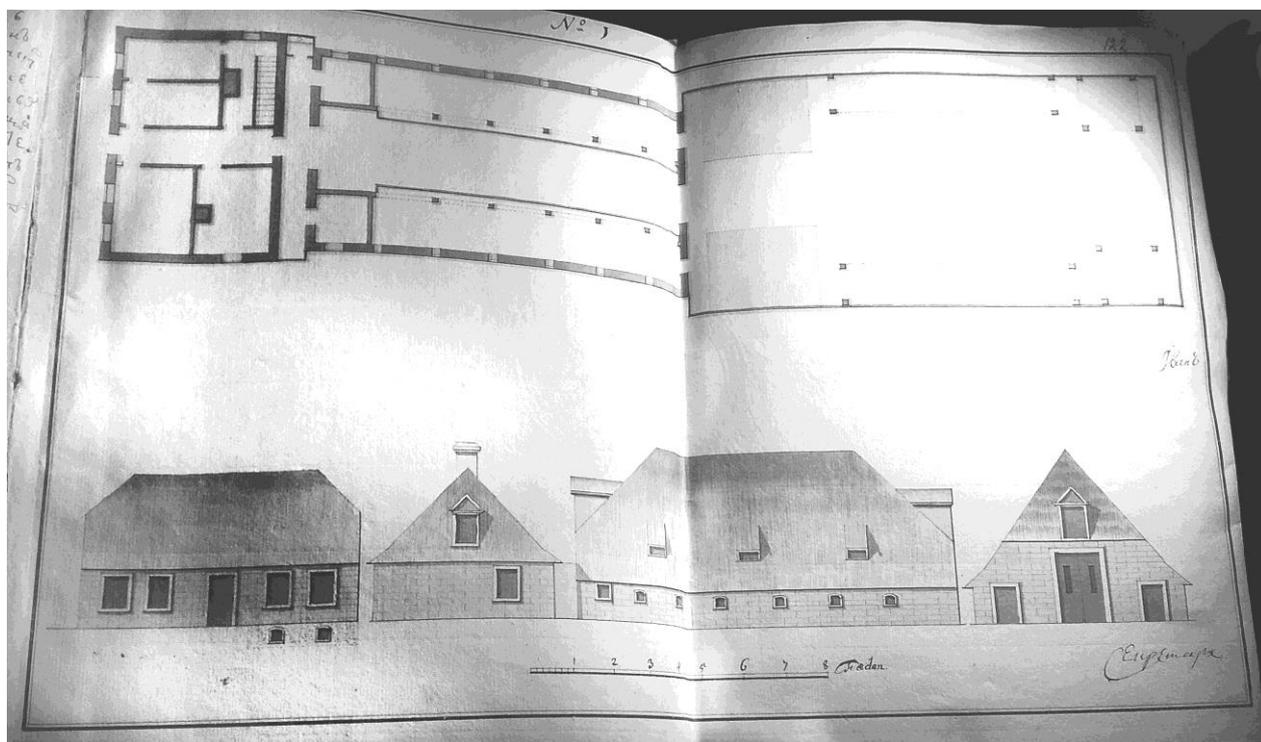
как его так и всех протчих колонистов намерена Канцелярия отправить по первому пути в те места, где прежде отправленные зимовать будут, а такого изчисления, как он барон Борегард себе представляет, учинить не можно, затем что как путь зимней с летним, так и бывшия препятствия с могущими последовать впредь сходны быть не могут и потому в особенном под его смотрением отправлении Канцелярия никакой выгоды не находит, а почему не **перестает он Борегард и поныне ж твердить о недоплаченных ссудных деньгах колонистам, не смотря на многократной учиненная ему от членов канцелярских объяснения, оному Канцелярия довольно надивиться не может** и для сего объявить ему ныне письменно высочайшую Е.И.В. конфирмацию, воспоследовавшую на поднесенном от президента Канцелярии докладе сего 766 го года мая 12 дня, и при том дать знать, что точного положения как кормовым, так и ссудным деньгам никогда и учинено не было, по той точно причине, что как цены всем для колонистов потребностям, так и самыя обстоятельства подвержены всегдашним переменам, следовательно выданное в 765ом году количество на каждую семью ссудных денег на одежду и обувь на нынешней год непременно правилом не служит, да и ему барону Борегарду обнадеживать в том колонистов своих письменно отнюдь и дозволено не было, а копии с учреждением тогдашних даны ему были единственно для показания, чтоб тем удобнее к выезду склонялись, а чтоб колонисты его не были в празности, то Канцелярия, усмотря возможность взыскания колонистам дела, о упражнении их общем старания приложить не оставит и давно уже намерение к тому принято, о местах же требования его колонистов в свое время знать дать ему Борегарду неотменно надобно, что и препоручает канцелярия секретарю Нордстет с таким при том барону Борегарду напоминанием, чтоб даваемые офицерам своим инструкции всегда вносил прежде Канцелярии на опробацию для того, что Канцелярия из репортов канвойных офицеров неоднократно усматривала разныя, хотя и

маловажные, однакож со определениями ея несходственные поступки его офицеров, а чтоб он барон Борегард о учиненной на сей мемориал его канцелярской резолюции точно был известен и неведением отговариваться не мог, то дать ему со оногo перевода за скрепою секретарскою а с него в получении изъять росписку».²⁹

22 марта 1767 г., уже пакуя чемоданы, Борегард представляет Канцелярии очередные планы организации колоний, их хозяйственной жизни и организации труда, его интенсивного ведения, дабы получить максимальную пользу, благосостояние и скорейшую выплату долгов Короне.

Кроме прочего:

- выпас скота общественными пастухами,
- необходимость найти способ оповещения, чтобы разрозненно живущих жителей округов и дисктриктов при пожарах, нападениях и т.п. защищать и помогать друг другу,
- предложение о **перенятии строительства домов с подчинением ему строителей и подрядчиков** и экономии при этом до десяти процентов стоимости. И коль скоро Канцелярии будет угодно эти его планы поддержать, то не угодно ли будет выплатить его представителю, майору Монжу **10 руб. на фамилию** на устройство колоний по этим планам. Обещает, что при подобной организации он будет стремиться хозяйствовать на своих землях настолько эффективно, что сможет быстро отплатить все авансы, при этом значительная часть денег пойдет также на общественные нужды и организацию колоний. И чтобы все гладко прошло, требует еще **выплачивать майору Монжу по 500 р. ежемесячно в аванс.**

План колониетской усадьбы по проекту Борегарда с домом и хозяйственными постройками (РГАДА 283-1-56, л. 122)

Далее просит признать Медицинской коллегией квалификацию его медицинского персонала (лекарей и акушерок), которые выдержали экзамен и достойны окладов и коронных денег. Просит также Канцелярию о указе капитану Киндерману обозначить границы колониетской земли постановкой пирамид или столбов. Предлагает по мере увеличения населения колоний и их удаленности увеличить число пасторов и патеров в колониях до двадцати пяти по трем представленным конфессиям. Просит об отправке в Россию через Любек более 100 семей, подчеркивая, что те на его деньги присланы будут. И не разрешено ли будет им **без таможенной пошлины** привезти свои инструменты и материалы, а также ему лично его вещи, капиталы и вина на потребление в первый год. В заключение просит **еще тысячу рублей** на покрытие его расходов и

²⁹ РГАДА 283-1-56, лл. 80-84.

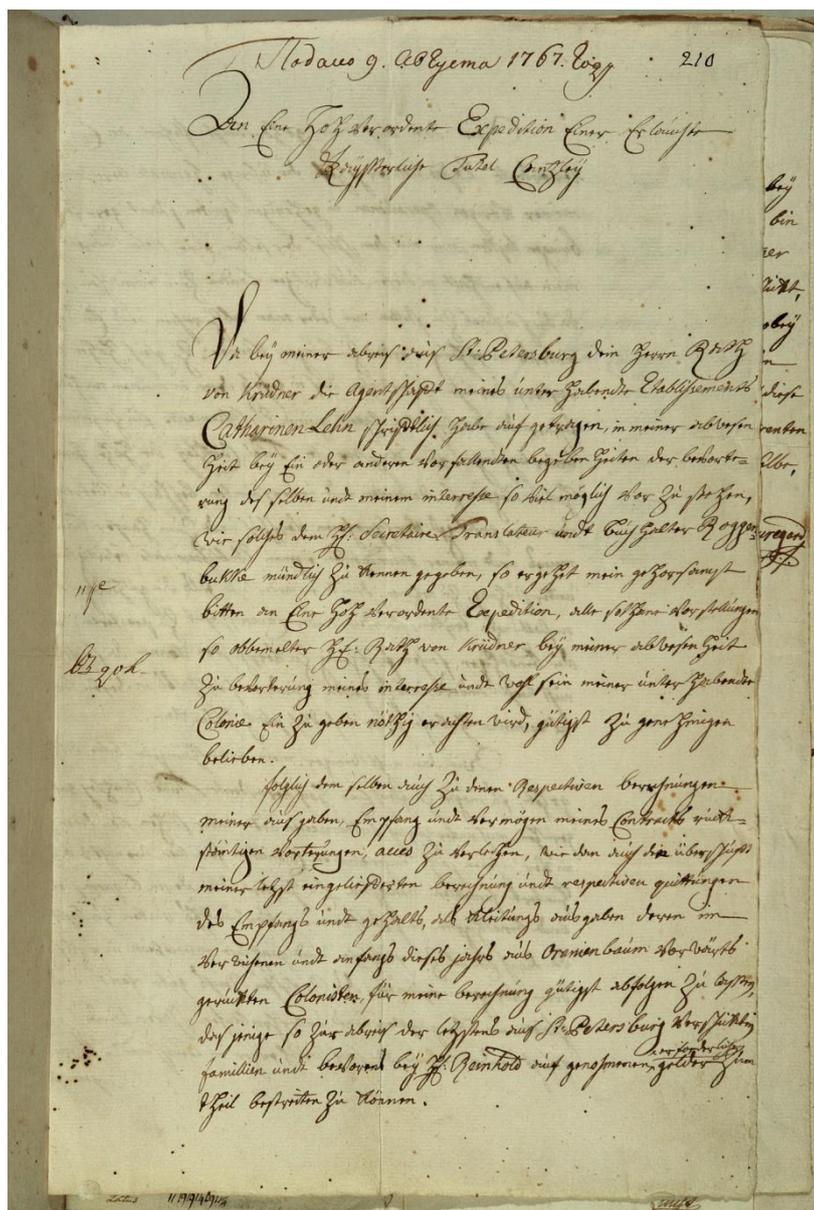
пр.³⁰ Как видим, любой проект сопровождается обещаниями знатных выгод в туманном будущем и просьбой о незамедлительной выплате денег.

Между тем, еще в августе 1766 г. Борегард обратился в Канцелярию с мемориалом о ссуде 5000 рублей «на собственное его домостроительство» в Катариненлене³¹. Просьба была удовлетворена. В действительности барон никаким «домостроительством» заниматься не собирался. Перспектива отправиться в Саратов «с прочими колонистами по первому пути» его не привлекала. Его целью было покинуть Россию навсегда, получив как можно больше денег под любым предлогом. Дело в том, что в 1766 и даже в 1767 году Канцелярия еще не могла свести с ним счета ввиду отсутствия первичных бухгалтерских документов. Смерть переводчика Вихляева, осуществлявшего, в частности, расчеты и с Борегардом, чрезвычайно осложнила все бухгалтерские калькуляции. Борегард воспользовался этим обстоятельством весьма умело. Отсутствие же у себя на руках первичных документов (расписок) объяснял тем, что они находятся у его эмиссаров в Европе, продолжающих вербовку колонистов. Лишь впоследствии, когда эмиссары поочередно прибыли в Петербург, выяснилось, что расписок нет или их явно недостаточно. К этому времени барон уже был вне досягаемости.

В феврале 1767 г. Борегард с дозволения президента Канцелярии подает императрице челобитную о выплате ему вознаграждения в размере 20000 рублей за уже поставленных колонистов. Он представляет дело таким образом, будто вынужден был на свои собственные средства отправить их в Россию, влез в долги, и теперь кредиторы грозят наложить секвестр на его замок в Брукхёйзене. По распоряжению императрицы Канцелярия выдает барону деньги, но половину суммы придерживает.³² Борегард проявляет настойчивость. В апреле 1767 г. он приезжает в Тверь, где ожидалось прибытие поезда Екатерины II. Здесь он вновь припадает к стопам императрицы, после чего Канцелярия выдает ему оставшиеся 10000 рублей³³. Одновременно Борегард хлопочет об отъезде, объясняя его необходимостью уладить домашние дела и этим же летом привезти в Россию семью.³⁴ В конце мая барон Борегард навсегда покидает Россию в обществе нескольких помощников.³⁵ До Волги он так и не добрался.

Письмо Борегарда от 15.07.1767
(РГАДА 283-1-56, л. 210)

В июле 1767 г. Борегард из Голландии обращается в Канцелярию с посланием, в котором просит разрешить отправку в Россию завербованных им ранее колонистов.³⁶ Они, утверждает

³⁰ РГАДА 283-1-56, лл. 85-89.

³¹ Там же, л. 62.

³² Там же, л. 141.

³³ Оба транша были выданы настойчивому просителю медной монетой, по весу 20 тонн. Увезти с собой такую сумму даже серебряной монетой было бы невозможно, барон менял деньги на векселя, теряя на обмене 3%.

³⁴ Там же, л. 156.

³⁵ Там же, л. 183.

³⁶ Там же, лл. 210-225.

Борегард, ожидают отправки с прошлого года, распродали свое имущество и находятся в полном отчаянии. Если не разрешить им отъезд в Россию, это произведет самое невыгодное впечатление о российском правительстве. К письму был приложен список из 612 фамилий, ожидающих якобы отъезда в Россию, и Борегард просил разрешения отправить хотя бы 100 лучших и нужнейших из них. Сразу вслед за этим Борегард пишет гамбургскому резиденту фон Гроссу и любекскому комиссару Лембке о предстоящей отправке 100 фамилий через Любек. Со своей стороны, Канцелярия объявила, «*что хотя Канцелярия по силе учиненных многократно барону Борегарду накрепчайшим подтверждении о невывозе в нынешнем году в Россию иностранцев и не имеет причины в выше объявленном его прошении об отправлении ныне ста фамилий ему снисхождение оказывать, однако Канцелярия за благо рассудила позволить ему Борегарду из набранных для колонии его иностранцам еще нынешней осени отправить в Россию сто фамилии по той только причине, что оные по объявлению его Борегарда принести могут по особым своим искусствам государству знатную пользу и что они контракты с ним заключили действительно еще прошлого года летом*».³⁷

Канцелярия особенно была обеспокоена, чтобы отправлено было никак не более 100 фамилий, однако ее опасения были напрасны – барон отнюдь не располагал сотнями завербованных фамилий. При всем том фамилии из июльского списка Борегарда не сплошь «мертвые души». Список состоит из нескольких частей, отличающихся друг от друга некоторыми особенностями. Эти части составлены были разными эмиссарами, но в какое время, сказать трудно, может быть, задолго до лета 1767 г. В конце сентября любекский комиссар Лембке сообщает об отправке с шкипером Драгуном 137 борегардовских колонистов. 1 октября Канцелярии получает «*известие о прибывших из Любека в Ораниенбаум вызову барона де Борегарда колонистов 137 человеках*».³⁸ Таким образом, Борегард сумел отправить только 40 семей из заявленных 100 (Канцелярия сообщает о 40½ семьях исходя из установленной контрактом формулы подсчета фамилий). Из документов Канцелярии мы узнаем, что сверх того в 1767 г. еще 9¼ семей борегардовских колонистов было отправлено «прямо в Петербург», когда именно и каким транспортом – неизвестно.³⁹ В январе 1768 г. из Ораниенбаума на Волгу была отправлена партия из 189 человек; в их числе, помимо 137, прибывших в октябре 1767 г., могли быть и другие колонисты того же вызова.⁴⁰ Летом 1768 г. эмиссар Борегарда подполковник Монжу хлопотал об отправке через Любек остальных 60 из ранее разрешенных 100 фамилий, но получил отказ. Это не помешало Борегарду в июне 1768 г. отправить из Амстердама со шкипером Иолом Сибелсом 29 человек (7¾ фамилий).⁴¹ Всего, таким образом, после официального окончания вызова Борегард отправил в Россию около 200 человек (56½ фамилий). Общее же число поставленных им колонистов составляет, согласно документам Канцелярии, 2101¾ фамилии или 6966 человек.⁴²

Тем временем Канцелярия сумела распутать клубок бухгалтерских хитросплетений и обнаружила малоутешительный итог: барон нанес казне ущерб в шестьдесят с лишним тысяч рублей. По крайней мере, таковы были подсчеты Канцелярии, обвинявшей вызывателя в фальсификации отчетных документов, завышении числа поставленных фамилий, расходов на их транспортировку и содержание. Более половины этой суммы приходится на завышенные транспортные расходы. Согласно контракту Борегард обязывался брать с Канцелярии **не более 40 руб.** за провоз одной фамилии до Любека или 60 руб. – до Петербурга. И хотя реальные затраты в большинстве случаев были значительно ниже, барон всегда выставлял счет на максимальную сумму.

Барон, со своей стороны, сочинил очередной меморандум, на сей раз из 100 пунктов. В нем он обвинял Канцелярию в проволочках при выдаче ему денег, в запоздалой отправке колонистов к местам поселения, в игнорировании его планов по оптимизации снабжения их деньгами и инструментами и пр. Он утверждал, что его задача – поставить нужное число колонистов, не выходя за указанные контрактом рамки накладных расходов. Если он где-то сэкономил на транспортных расходах, то где-то мог и проиграть, однако его риски Канцелярия учитывать не желает. Свою упущенную выгоду в совокупности с недоплаченными Канцелярией средствами он оценивал почти в девяносто тысяч рублей.

³⁷ РГАДА 283-1-56, л. 238.

³⁸ РГАДА 283-1-120. Журнал исходящих бумаг экспедиции и Канцелярии за 1767 г., л. 223об.

³⁹ РГАДА 283-1-56, л. 355.

⁴⁰ РГАДА 283-1-136. Журнал входящих бумаг экспедиции за 1768 г., л. 8.

⁴¹ РГАДА 283-1-56, л. 280.

⁴² Там же, л. 355.

Канцелярия требовала от Борегарда прибытия в Петербург для окончательной сверки расчетов и выполнения его обязательств по контракту. Барон требовал сперва выплатить ему указанную в меморандуме сумму, без чего он-де никак не может завершить своих дел в Европе. Если же ему дадут деньги, то он согласен прибыть в Россию и защитить свое честное имя. Равномерно согласен он и продолжить вызов колонистов, теперь уже через Амстердам, поскольку эдиктом Римского Императора Иосифа II от 7 июля 1768 г. эмиграция была запрещена.

Приводим выдержки из доклада на Высочайшее Имя, представленного Президентом Канцелярии графом Г.Г. Орловым 2 апреля 1769 г.

«Вашему ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ довольно известно, в какое пришли замешательство колонисткия дела прошлого 1766го года летом, а особливо по случаю несчастной смерти находившагося тогда в Гамбурге поверенного в делах переводчика Вихляева, но следствии произошедших от того замешательств за нескорым получением канцеляриею опекуинства иностранных из Гамбурга производства колонистских дел вовсе были закрытым, так что и по получении оных прошлого года в исходе апреля месяца за неразобранием в подробность повеликою их запутанности неможно было канцелярии дойти прежде до самой истинны об поступках вызывательских и о употребленных ими на колонистов издержках как в нынешнем году, чему наибольшею причиною была, как то по делам оказалось, ошибка покойного переводчика Вихляева, а отчасти и бывшего там министра Мусина-Пушкина, состоявшая в том что деньги вызывателям выдавал не по колонистовым распискам, как предписано было, но по одним только требованиям вызывательским, а со стороны вызывателей множество наделанных ими ухищрений корысти ради. Ухищрения вызывателя барона де Борегарда, о поступках коего сим моим всеподданнейшим докладом ВАШЕ Императорское Величество беспокоить принужденным себя нашел, закрыты были доле всех прочих вызывателей потому, что поступки его, сколько Канцелярия видеть могла, сходствовали по наружности более всех прочих вызывателей с постановленным с ним договором кроме неприсылки подробных колонистовых в полученных ими от него деньгах росписок

.....
[Борегард – прим. авт.] незадолго пред получением канцеляриею из Гамбурга письменных дел, сведав уповательно, что оныя скоро присланы будут, сообщил Канцелярии из Петербурга в Москву мемориал, в котором представлял оной укорительно и с жалобою на ея несправедливость, коим образом в неприсылке из Гамбурга колонистских дел он невиновен и от невыдачи ему из казны в силу ево контракта денег не только кредит ево в иностранных землях поврежден, убытки час от часу возрастают, но и честь его страждет по единой к нему от Канцелярии неблагоклонности, не взирая на его очевидное усердие, а сверх того приложил при том мемориале на высочайшее Вашего Императорского Величества имя прошение о выдаче ему обещанных на собственное его домостройство ссудных денег для расплаты долгов ево, прописав прежде все объявленныя обстоятельства мнимою своей правости, почему я вскоре по полученному онаго ево мемориала и прошения Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше словесно и докладывал.

На объявленное его Борегарда прошение Ваше Императорское Величество, снисходя в данном мне февраля 20го дня за подписанием собственныя Вашего Императорского Величества руки указе, высочайше повелеть соизволили выдать ему Борегарду десять тысяч рублей, почему вскоре все оныя деньги и выданы ему были, ибо десятью тысячами Борегард доволен не был, прося неотступно и других десяти тысяч рублей, из которой суммы однако же определено было вследствие представленных от него нужд подать ему росписание, сколько уделить он намерен на расходы в его колонии, чего однако же Борегард не исполнил, а вместо того, приехав в Тверь в исходе апреля прошлаго 767го года и дождавшись Вашего Императорского Величества в сей город прибытия, вновь подал прошение, чтоб из выданных ему по объявленному Вашего Императорского Величества высочайшему указу деньги в Саратов переводить его не принуждать, а выдать бы вновь поверенному ево майору Монжу только две тысячи рублей, уверяя что оныя до приезда ево в колонию на тамошняя нужды будет достаточно, а чтобы отпустить за границу для приведения дел его в порядок, обязуясь приехать тем же летом с женою своею и со всем семейством обратно в Россию на всегдашнее в колонии его поселение. В доказательство о издержанной им якобы на колонистов знатной суммы собственных и заемных денег подал он мне копию с генерального щета полученным им самим и его поверенным в Гамбурге и в Любеке казенным денгам прося сличить ево с

подлинником которой Канцелярия за два только дни пред отъездом Вашего императорского Величества из Москвы в Тверь получила и которой находившимся тогда при свите Вашего Императорского Величества советником Баскаковым взят был с прочими генеральными щетами с собою а подробныя оставлены в Канцелярии с таким секретарю приказанием, чтоб во время отсутствия судейского заготовил из них выписки.

Поданная Борегардом копия с подлинным щетом явилась точно сходна и полученных Борегардом и его поверенными денег оказалось по тому щету в сравнении числа вызванных им колонистов весьма немного, однако же неутверждаясь на сем одном щете, выписанном токмо из книг Гамбургскаго банкира Бауша, сумлевался я отпустить его Борегарда за границу, пока по меньшей мере о выдачах ему денежных все известия собраны не будут, но как представил он Борегард полученное им из немецкой земли письмо, в коем уведомляем он был якобы от долгов нажитых им по делам колониским настояла опасность, чтоб не конфисковали недвижимого его в Голландии имения, чем я убежден будучи и не имея по изобличению Борегарда в неправде никакого доказательства, принужден был доложить о прошении его Вашему Императорскому Величеству, которое его прошение Ваше Императорское Величество все милостивейшие тогда выслушали и высочайше повелеть соизволили отпустить его в Голландию без всякого задержания, за коковую Вашего Императорского Величества милость барон де Борегард по наружности казался преисполнен благодарности и уверяя меня о продаже своих маетностей и скором своем возвращении со всем своим семейством, поехал в Петербург, а оттуда по получении папшорта в Голландию».

Может показаться, что граф Григорий Григорьевич оказался несколько наивным в отношении Борегарда, которому явно покровительствовал. Оба раза в 1767 г. барон подавал челобитную императрице с дозволения графа, что гарантировало благоприятную резолюцию. Паспорта на выезд из России также были выданы по его ходатайству. По существу, граф обеспечил барону ретираду, да еще снабдил немалыми деньгами на дорогу. Был ли здесь только просчет или имели место иные причины, мы вряд ли узнаем. Но теперь Президенту Канцелярии ничего не остается, как обвинить Борегарда в коварстве и предложить аннулировать контракт:

«А сверх всех сих погрешностей по нижеследующим ложным представлениям и неустойкам во учиненных им Канцелярии особенных обещаниях его явился он Борегард и впредь ко исполнению обетов своих ненадежным и вовсе невероятным а имянно:

1е. Ложно не только Канцелярии представил но и ВАШЕ Императорское Величество в поданном своем прошении ложно же уверить осмелился, якобы принужден он был наборы колониския за невыдачею ему казенных денег употребить великую сумму из собственного своего капитала.

2е. Ложно также явилось показание его о запасном наборе колонистов в зимнее время и о причинившихся ему от того будто бы великих убытках.

3е. Ложно и умышленно для одного только закрытия ухищрения своих жаловался на Канцелярию в ненаблюдении ею якобы договора, укоряя ея, что неправильно о поступках его сумневались и честность его тем оскорбляла.

4е. Наипаче же всего неизвинительна та его ложь, помощью которой испросил он себе чрез меня отпуск у ВАШЕГО Императорского Величества в Голландию уверя что будто за долги по колониским делам им нажитыя намерены заимодавцы его под секвестр взять принадлежащая ему в Голландии маятности.

5е. Ни единого из учиненных канцелярии особенных обещаний не исполнил, потому что сам для прекращения наборов в 1766 году не ездил и в самом деле оныя до самой глубокой осени не прекратились, подробных колонисковых росписок по обещанию своему не прислал и сам с фамилиею своею, невзирая на данное свое ВАШЕМУ Императорскому Величеству слово, донныне не возвратился, никаких доказательств, кроме неправых выкладок о причинившихся будто бы ему убытках от прекращения наборов, не прислал, и, наконец, дав господину министру Воронцову на последнеи учиненной ему позыв обещание чрез шесть недель из Голландии выехать и возвратиться в Россию и подписав притом самое объявление своею рукою, не только обещания сего не исполнил, пропустя срочное время приезда своего, но еще и вновь в канцелярию 20го ноября мемориал прислать не устыдился, требуя неправильно от оныя выдачи знатной суммы денег, якобы по силе его контракта ему принадлежащих, невзирая на все описанныя выше сего несходныя его ни

контрактом, ни здоровую совестью поступки, которыя Канцелярия ко уничтожению с ним контракта весьма достаточными уже почитала.

.....
Итак, не соизволите ли, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ, Высочайше указать
Ее Вызывателя Борегарда за все вышеобъявленные учиненные им подлоги и присвоение себе чрез
оныя неправедным образом знатной суммы казенных денег, лиша всех прав и выгод обещанных ему
договором, контракт с ним заключенной вовсе уничтожить и повелеть Коллегии иностранных дел
приложить старание о взыскании с него всей похищенной им коварным образом суммы состоящей в
шестидесят одной тысяче девятистах девяти рублях восмидесяти копейках трех четвертях чрез
находящегося ВАШЕГО Императорского Величества в Голландии министра, объявя наперед
тамошнему правительству
о причинах, побудивших Канцелярию к такому требованию, а сверх того и публику о коварных сего
человека поступках чрез газеты уведомить, в случая же таком, когда с Борегарда помянутого
взыскания зачем либо учинить будет не можно, то по необходимости взыскать чрез находящегося
ныне в Гамбурге министра хотя только данна ему в задаток пятнатцать тысяч рублей с
*поручителей наследников, потому что сам поручитель Гамбургской купец Бауш умер...».*⁴³

Резолюцией императрицы по докладу графа Орлова Борегарду давался полугодовой срок для приезда в Россию. В случае отказа следовало ликвидировать контракт и принять меры к взысканию с Борегарда долга перед казной. Весной 1769 г. посланник в Гааге Мусин-Пушкин, будучи проездом в Утрехтской провинции, приглашал к себе Борегарда, но тот был якобы в отъезде и через жену просил сообщить ему о причине вызова. В июне к Борегарду был командирован переводчик Олденкоп. Он вручил барону письмо с требованием прибыть в Россию и получил роспись барона в его получении.⁴⁴ Борегард обещал прибыть, но, разумеется, в Россию не поехал. В начале января 1770 г. было принято решение о ликвидации контракта с ним и принятии мер для взыскании денег с его поручителей. Кроме того, был наложен секвестр на товары, ввезенные Борегардом и находившиеся на сохранении у купца Рейкеса.⁴⁵

Однако до более решительных действий дело не дошло. Коллегия иностранных дел не спешила войти с представлением к голландскому правительству. Объявление о прегрешениях Борегарда, подготовленное для публикации в Санкт-Петербургских ведомостях и в иностранных газетах, так и не было опубликовано. Возможно, этому не благоприятствовала внешнеполитическая обстановка. Россия вела войну с Османской империей, и война эта требовала много средств. Правительство Екатерины II впервые в истории государства российского вынуждено было обратиться с просьбой о многомиллионных займах к голландским банкирам, вряд ли в такой обстановке стоило сводить мелкие счета с голландским подданным. С другой стороны, открытое преследование бывшего контрагента могло повредить будущим планам колонизации, от которых Россия не собиралась отказываться.

Подводя итог под российской эпопеей барона Борегарда, заметим, что он не только скомпрометировал своих покровителей в России - Якова Штелина и графа Орлова - но и бросил на произвол судьбы своих сотрудников (эmissаров, колонных офицеров, медиков и др.), оставив их без средств к существованию и в двусмысленном положении относительно российских властей, которые никаких обязательств по отношению к ним не имели. С соизволения императрицы Канцелярия вошла в бедственное положение офицеров, частично удовлетворив их просьбы о выплате жалования, которое задолжал им Борегард. Им позволено было оставаться в тех же должностях с тем же окладом, кроме того, им были обещаны земельные владения в наследственное пользование.⁴⁶

Голландия

Для самого же барона российское предприятие оказалось удачным. Если расчеты Канцелярии верны, то Борегард присвоил себе около шестидесяти двух тысяч рублей (почти полторы сотни тысяч гульденов) - и это не считая честно заработанных им денег. Замок Брукхейзен был спасен от

⁴³ РГАДА 283-1-56, лл. 369-381.

⁴⁴ РГАДА 283-1-56, л. 393-395.

⁴⁵ Там же, л. 396.

⁴⁶ Там же, лл. 389-391.

продажи. Более того, из документов голландских архивов следует, что в 1768-1769 гг. барон активно приобретал земельные участки, купил дом в Вейк-бей-Дюрстедде (Wijk-bij-Durstedde).⁴⁷

Дом Борегарда «Амстелвейк» в Вейк-бей-Дюрстедде (фото 50-х гг. XX в.)⁴⁸

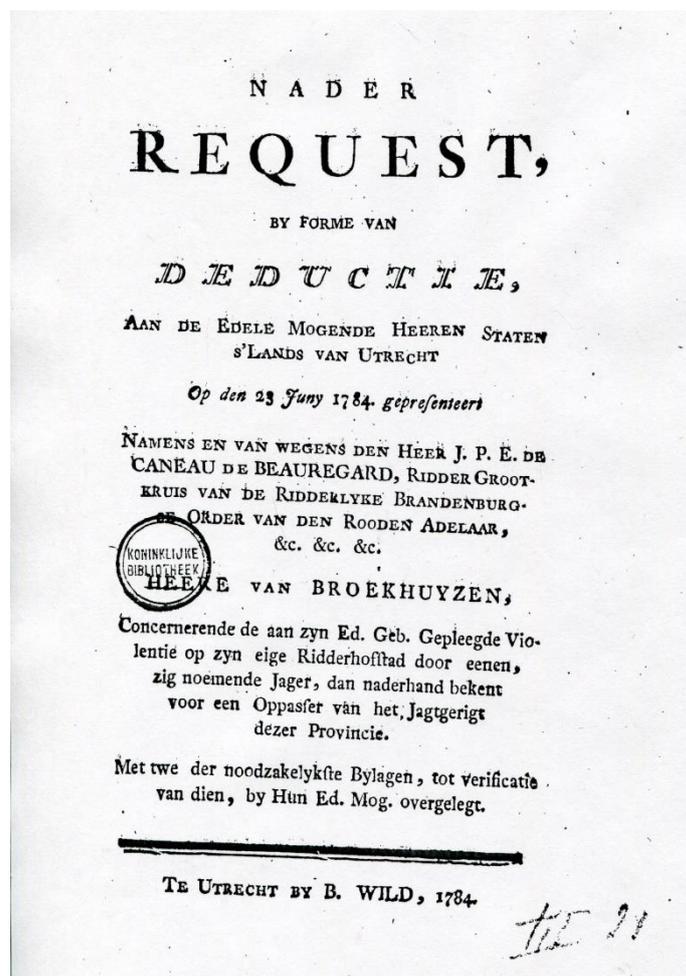
Но затем деньги были потрачены, появились долги, имение было заложено. В начале 1780-х гг. барон жаловался Петру Яковлевичу Штелину (сыну Я.Я. Штелина), что покойный Баскаков⁴⁹, разорвавший-де с ним контракт, был причиной его теперешнего бедственного положения:

барон не мог получить в кредит на амстердамской бирже жалких ста гульденов.⁵⁰ Но нам история с разрывом контракта известна достаточно хорошо... Точно ли положение барона было столь бедственным, судить сложно. Во всяком случае, в 1784 г. он не пожалел денег на издание типографским способом памфлета, адресованного членам Штатов сиречь правительству провинции Утрехт.

Титульный лист памфлета

Прошение от 23 июня 1784 года, адресованное членам Штатов провинции Утрехт, от имени барона де Кано де Борегарда, рыцаря Большого креста Ордена Бранденбургского Красного орла, владельца поместья Брукхёйзен, в связи с оскорблением действием, совершённым на территории его собственного поместья человеком по имени Аалберт Веенхоф, называющим себя «егерем», впоследствии известным как член охотничьего общества этой провинции.

Суть дела вкратце: в августе 1782 года, прогуливаясь по аллее замкового парка, барон встретил постороннего с кремнёвым ружьём и собакой и, подойдя к нему, потребовал покинуть частную территорию. Посторонний ответил, что барон ему «не указ» и что он продолжит «идти, куда шёл». После обмена несколькими репликами нарушитель разразился бранью, взвёл курок своего ружья и направил его барону в грудь. Барон не отступил, вынудил нарушителя опустить оружие, и тот, получив тростью, всё-таки повернул назад,

⁴⁷ Gaasbeek F. Wijkenaren op de wereldkaart. - Het Kromme-Rijng gebied, 43-3 (2009), p. 65.

⁴⁸ Gaasbeek F. Wijkenaren op de wereldkaart. - Het Kromme-Rijng gebied, 43-3 (2009), p. 64.

⁴⁹ Коллежский советник В.Г. Баскаков, вице-президент Канцелярии.

⁵⁰ Karl Stählin. Ibid, S. 335.

попутно грозя вернуться на то же место и «кое-чему научить» хозяина поместья. При этом он назвался егерем графа Атлоне. Жалобы барона, адресованные графу, а затем лесничему, ландмаршалу и генеральному прокурору, остались без последствий. В феврале 1784 г. барон отправил письменное прошение в провинциальные Штаты, но желаемого результата не достиг. В итоге барон Борегард издал свой протест в форме памфлета и, надо думать, принял меры к его широкому распространению. Какими были последствия этого демарша, мы не знаем. Для нас некоторой новостью оказывается, что барон стал кавалером Большого креста [высший знак ордена – прим. авт.] Ордена Бранденбургского Красного орла. Когда, кем и за какие заслуги он был удостоен столь высокой чести, история умалчивает. Впрочем, это не единственное украшение славного имени барона. В долговой расписке, датированной 13 октября 1777 г., барон именует себя помимо известных титулов еще и Шефом Швейцарского Легиона в Поселении Катариненлен Государыни Императрицы Всея Руси (Hoh wohlgeborene Herr Jaime Philippe Ernest Baron de Caneau de Beauregard Heer von Brockhausen Ritter des Großen Kreuzes von den Roten Adlerorden, Chef von einem Legion der Schweizer in der Etablissements Catharinen Lehen unter der Herscherin und Ihro Kayserliche Mayestät aller Russen etc. etc.). Похоже, что правдивостью наш барон не уступал барону Мюнхгаузену. Долги однако же росли. В 1789 г. барон Борегард вынужден был передать барону Геккерену⁵¹ в погашение долга в 20000 гульденов земельные участки в районе Леерзума и в других местах.

Расскажем немного о семейных делах Борегарда. Сын барона умер в 1770 г., дочь пережила родителей. В 1776 г. она вышла замуж за Франсуа Луи Боде де Морле (Francois Louis Beaudet de Morlet), брак венчал каноник Корнелис Ян ван Неллестейн (Cornelis Jan van Nellesteijn). В 1777 г. у барона родилась внучка Иоганна Эрнестина (Johanna Ernestina), в 1783 г. – внук Карл Филипп Генрих Август (Carel Philippus Hendrik Augustus). Исходя из анализа духовного родства (кумовства), свидетельства о котором можно найти в метрических записях о крещении детей и внуков барона Борегарда, Фред Гаасбейк полагает, что де Морле были в родстве с бароном по линии его матери. Еще одна интересная деталь: крестной внучки Борегарда оказалась его старшая сестра Мари Анна де Кано де Борегард, по мужу де Мотте (Maria Anna Caneau de Beauregard). Так что, как минимум двое детей Жака Филиппа Кано, прево города Зульц, прибавили к своему имени «де Борегард».

Жена барона Сюзанна скончалась 24 июля 1791 г. Дочь Эрнестина унаследовала Брукхёйзен, но за ее отцом по-прежнему осталось право распоряжения имуществом. В последний раз он воспользовался этим правом 12 января 1793 г., продав Брукхёйзен со всеми землями и пр. за 118000 гульденов канонику ван Неллестейну.⁵² Завершали сделку 18 марта уже его наследники, Эрнестина с мужем: в период между этими датами барона не стало. Точнее определить дату кончины барона не удалось – церковные книги погребений Леерзума за период с июля 1792 г. по январь 1796 г. не сохранились. Впрочем, барон де Кано де Борегард мог быть похоронен и в другом месте.

Возвращаясь к началу нашего исследования, можно сделать заключение, что ничего сомнительного в биографии барона Борегарда нами не обнаружено. Француз по происхождению, уроженец Эльзаса, обер-офицер швейцарского полка, служивший в Брабанте, владелец (по крайней мере, супруг владелицы) поместья с замком в провинции Утрехт Голландской республики – все, что перечисляет Писаревский, было правдой. Мало кто из вызывателей мог похвастаться столь безупречным прошлым. Если же нам покажутся сомнительными в нравственном отношении те или иные его поступки, то вспомним, что сии претензии можно предъявить многим из тех, чьи имена упомянуты выше, не исключая весьма высоких особ.

* * *

В заключение хотим поблагодарить тех, кто своим энтузиазмом и бескорыстной помощью помог нам найти ответы на главные вопросы нашего исследования. Помимо упомянутых выше Геральдины Хувенаарс (Geraldine Hoevenaars), Фреда Гаасбейка (Fred Gaasbeek), Бертрана Рисаше (Bertrand Risacher), Кристиана Вольффа (Christian Wolff) и Катрин Галлиат (Catherine Galliath), это участники интернет-форума ВНИС с никами Anton, Bram, Helena, Lisette Kuijper, Max, Maurice и Noghah. Большое спасибо всем – heel erg bedankt – merci beaucoup!

⁵¹ Это не тот голландский посланник в России Геккерен (1837 г.), печально известный нам как приемный отец Дантеса. Между прочим, Дантес остаток жизни провел в Зульце.

⁵² Reg. Hist. Centr. Zuidoost Utrecht. Nadere Toegang op inv. nr 515 uit het archief van de Dorpsgerichten 1515-1811 (64), p. 5.